

УДК 316

ФАКТОРЫ ЛОЯЛЬНОСТИ СИБИРСКОЙ ВОЕННО-ГРАЖДАНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

С. И. Филиппов

Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск)
filippov.nsu@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена исследованию факторов лояльности сибирской военно-гражданской администрации по отношению к центральной власти. Исследование проводится на материале сопоставления контрастных случаев среди казачества Дона и Запорожья, польско-литовских магнатов (относительно низкая лояльность), а также сибирских служилых людей и воевод (относительно высокая лояльность) в XVII в. Выявлено, что в Сибири факторами относительно высокой лояльности местной военно-гражданской администрации по отношению к центральной власти стали: наличие источников благосостояния помимо государственного жалования, связанных с государственной службой (добыча пушнины и сбор ясака); относительно высокая социальная, культурная, этнолингвистическая дистанция по отношению к коренному населению; ограниченные возможности продажи накопленных ресурсов на внутреннем и внешних рынках и конвертации полученных средств в политико-административное влияние.

Ключевые слова: лояльность, военно-гражданская администрация Сибири, военно-бюрократические институты, базовые социальные заботы.

Для цитирования: Филиппов, С. И. (2026). Факторы лояльности сибирской военно-гражданской администрации центральной власти. *Respublica Literaria*. Т. 7. № 1. С. 122-135. DOI: 10.47850/RL.2026.7.1.122-135

CONDITIONS FOR THE LOYALTY OF THE SIBERIAN MILITARY-CIVIL ADMINISTRATION TO THE CENTRAL POWER

S. I. Filippov

Novosibirsk State University (Novosibirsk)
filippov.nsu@gmail.com

Abstract. The article examines the loyalty of the Siberian military-civilian administration towards the central government. The study compares contrasting cases: the Don and Zaporozhian Cossacks as well as the Polish-Lithuanian nobility (characterized by relatively low loyalty) and Siberian servicemen and voivodes (characterized by relatively high loyalty) in the 17th century. The study found that conditions for relatively high loyalty developed in Siberia, including the existence of wealth sources other than state salaries (e.g. fur hunting and yasak collection), relatively high social, cultural and ethnolinguistic distance from the indigenous population, and limited opportunities to sell accumulated resources on domestic and foreign markets and convert the proceeds into political and administrative influence.

Keywords: loyalty, military-civilian administration of Siberia, military-bureaucratic institutions, basic social concerns.

For citation: Filippov, S. I. (2026). Conditions for the Loyalty of the Siberian Military-Civil Administration to the Central Power. *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 1. Pp. 122-135. DOI: 10.47850/RL.2026.7.1.122-135

В общественном сознании сибиряки издавна воспринимались как вольнолюбивые люди, привыкшие самостоятельно справляться с трудностями, не возлагая надежд на доброго «барина» или «начальника». Это не удивительно, учитывая социальный состав пришлого населения Сибири, начиная с XVII в., которое в значительной мере формировалось из ссыльных (в т. ч. и уголовных преступников), пленных, «гулящих» и др. [Шунков, 1946, с. 19-21]. Необычно, что люди с подобным жизненным опытом и соответствующими установками сознания и поведения (габитусом) сохраняли высокую степень лояльности по отношению государственной власти. «Бунташный» XVII в. не распространился в широких масштабах на сибирские просторы, исключая восстания коренного населения¹. Значительную долю в составе пришлого населения Сибири XVII в. составляли казаки. Почему весьма схожие в социально-культурном отношении донские и запорожские казаки предпринимают мощные вооруженные выступления, представляющие подчас серьезную угрозу Речи Посполитой, России, Персии, Османской Империи, а перебравшись в Сибирь сохраняют верность государственной власти?

Взаимоотношения между казаками и государственной властью является частным случаем отношений лояльности между центральной властью и местными элитами². Сопоставление, с одной стороны, донских и запорожских казаков, с другой стороны – сибирской военно-гражданской администрации, которую в значительной мере составляли те же казаки, в контексте их взаимоотношения с государственной властью в XVII в. позволяет уточнить факторы, обуславливающие динамику политической лояльности. Данные исторические примеры представляют собой контрастные случаи – они сходны друг с другом по некоторым существенным параметрам (образ жизни, установки сознания и поведения, конфессиональная принадлежность и др.), но различаются по параметру, который и требует объяснения – уровню лояльности по отношению к государственной власти. Для уточнения факторов, обеспечивающих политическую лояльность, также проводится сопоставление польско-литовских магнатов и сибирских воевод в их взаимоотношениях с центральной властью. Между ними также имелось существенное

¹ Выступления, прежде всего служилых людей, в Сибири носили локальный характер и были вызваны злоупотреблениями местной администрации (восстания в Томске (1637–1638 и 1648–1649 гг.), Тюмени (1654 и 1668 гг.), Красноярске (1695–1700 гг.) и др.) [Александров, Покровский, 1991; Зольникова, Покровский, 2009]. В то же время недовольство коренного населения, выливающееся в т. ч. и в вооруженные выступления, приобретает широкий масштаб: восстания татарского населения (конец 1620-х – 1630-е гг.), представлявшее серьезную угрозу русской власти в Сибири [Худяков, 2015]; Западно-Сибирское восстание (1661–1665 гг.); восстания якутов (1642) и тунгусов (1674) и др. Ожесточенное и упорное сопротивление представителям русской администрации оказали коренные народы Восточной Сибири: чукчи формально были объявлены русскими подданными в 1789 г., а фактически сохраняли независимость до начала XX в.

² Несмотря на распространенное в советской историографии мнение о социально-классовой близости крестьян и казаков, следует признать, что ни по роду занятий, ни по установкам сознания и поведения, ни по собственному самосознанию казаков к «трудящимся» отнести никак нельзя. Земледелием они не занимались (казаки превращаются в военно-земледельческое сословие только с ликвидацией их самоуправления), средства своего существования добывали преимущественно посредством применения насилия, воспринимая себя в качестве «слуг великого государя», именуя себя в войсковых письмах в Москву «государевыми холопами», т. е. служилыми людьми [Куц, 2009, с. 392]. Поговорка «Не жнет, не косит, а жупан носит» характеризует относительно высокие доходы казаков и их привычку к престижному (элитному) потреблению.

сходство: они осуществляли освоение сырьевых периферийных регионов – соответственно Украины и Сибири – и выполняли в них управленческие функции, обладая существенными властными полномочиями и богатством, но демонстрируя разный уровень лояльности: относительно низкий в случае польско-литовских магнатов (всевластие магнатов при поддержке их клиентелы буквально парализовали королевскую власть) и высокий – со стороны сибирских воевод.

Лояльность: понятие, показатели и общая гипотеза. В отечественной и зарубежной философской, социологической, политологической традиции лояльность, в особенности со стороны элит как влиятельных и обладающих ресурсами социально-политических акторов, рассматривается как одно из важнейших условий общественной стабильности и устойчивости государств [Тульчинский, 2018; Алмонд, 2014; Rosenbaum, 1975]. В особенности в России лояльность местных элит центру имела фундаментальное значение для самого существования государства, ведь наша страна на протяжении многих столетий существовала и продолжает существовать сегодня в форме полиэтничного и многоконфессионального государства, в котором одной из важнейших стратегий управления является взаимодействие центрального правительства с местными элитами, а обеспечение высокого уровня лояльности со стороны элит – предмет заботы центральной власти. Тем не менее, в социальной и политической философии лояльность рассматривается не как самостоятельный феномен, а как аспект солидарности (Э. Дюркгейм, Г. Мид, Р. Коллинз), легитимности власти (М. Вебер), элемента принуждения (марксизм) и др.

В обобщенном виде лояльность понимается как переменная, включающая в себя различные уровни поддержки или оспаривания *субъектами лояльности* (условными «подчиненными» – индивидами, организациями, сообществами или социальными слоями со сходными установками и политическим поведением – габитусом) власти над ними *объектов лояльности* (условного «начальства» – вождя, монарха, правящей группы, центрального правительства и т. д.).

Показателями относительно высокого уровня лояльности местных элит по отношению к центральной власти являются: борьба против ее внутренних и внешних врагов; явная поддержка официальной идеологии (религии) и системы ценностей, символов, в т. ч. в устной и письменной коммуникации (переписке, дневниках и т. п.); выполнение принятых административных, правовых норм и неформальных правил взаимодействия; добровольное и систематическое участие в полагающихся ритуалах. Показателями относительно низкого уровня лояльности по отношению к центральной власти являются: участие в мятежах, протестных движениях; переход на сторону оппозиции или внешних противников режима; нарушение принятых административных, правовых норм и неформальных правил взаимодействия, в т. ч. применение нерегламентированного насилия; критическое отношение к официальной идеологии (религии) и системе ценностей, символам и ритуалам; чтение, обсуждение и распространение запрещенной литературы, а также участие в ритуалах, противоречащих официальной религии или идеологии [Розов, Филиппов, 2003, с. 194-196].

Общая гипотеза лояльности основана на популярной в философии и социологии концепции базовых социальных потребностей или забот: лояльность подчиненных (субъектов лояльности) по отношению к начальству (объектам лояльности) тем выше, чем более первые видят в лице вторых *обеспечивающее сообщество*, которое удовлетворяет их базовые социальные заботы – предоставляет им социальный статус с соответствующими

гарантиями безопасности, символическим престижем и благосостоянием. Сообщества, обеспечивающие базовые социальные заботы представителей элит, относятся к трем типам – иерархические военно-бюрократические институты государственной службы, патрон-клиентские сети, основанные на личной преданности клиентелы патрону и эгалитарные сообщества. Социализация в рамках обеспечивающего сообщества того или иного типа предполагает формирование особенного габитуса – комплекса установок сознания и поведения, ассоциируемого с принадлежностью к той или иной социальной группе.

Относительно высокий уровень лояльности по отношению к государственной власти (правителю или правительству) обеспечивается карьерой в рамках военно-бюрократических институтов государственной службы. Это обусловлено спецификой габитуса, формируемого в процессе социализации в рамках такого рода институтов. Успешная карьера на госслужбе предполагает такие качества, как дисциплинированность, аккуратность, исполнительность, контроль над эмоциями и сдерживание агрессии: здесь нет места бунтарству и своеволию [Филиппов, 2025, с. 9-10]. Противоположностью габитуса образцового чиновника является комплекс установок сознания и поведения, свойственный членам военизированных эгалитарных сообществ: обостренное чувство собственного достоинства, подчеркнутая агрессивность (как средство демонстрации и защиты статуса), вольнолюбие, категорическая нежелание подчиняться «начальству». В XVII в. вольные казаки (отчасти донцы, запорожцы, яицкие казаки) и отчасти сибирские служилые люди до ликвидации их самоуправления, до инкорпорации казачьей верхушки в имперское дворянство и превращения большинства в военно-земледельческое сословие (вторая половина XVIII – начало XIX вв.) представляли собой примеры гибридных сообществ, совмещающих в себе черты военно-бюрократических институтов (казаки воспринимали себя в качестве слуг великого государя) и военизированных эгалитарных сообществ.

Военно-бюрократические институты являются для элит и претендентов в элиту предпочтительными структурами, обеспечивающими их базовые социальные заботы. Это обусловлено особенностями статуса (меры общественного признания), присваиваемого государственным служащим. Бюрократический статус относительно устойчив, т. е. будучи однажды присвоенным, как правило, не предполагает постоянного подтверждения. Он носит универсальный характер: его признают на территории, подконтрольной государственной юрисдикции, а часто – шире. Кроме того, бюрократические статусы имеют формальный (символический) характер, что, опять-таки, освобождает их обладателей от необходимости подтверждать собственный престиж, достоинство и право на уважение со стороны окружающих реальными действиями, которые с большой долей вероятности сопряжены с насилием, агрессией и несут существенные риски как для собственной жизни, так и для жизни других людей, так или иначе «задевающих» честь обладателя статуса. Это увеличивает безопасность носителей формально-символических статусов, зачастую обеспечивают возможность передачи по наследству самих статусов и тех благ, которые они обеспечивают. Привлекательность институтов государственной службы в качестве сообществ, обеспечивающих элитные заботы, подтверждает готовность казацкой верхушки обменять казацкую вольность на чины и дворянство: ведь полномочия коллективных органов управления (казачьего круга) существенно ограничивает влияние атаманов, старшин и возможности сохранения ими своих властных позиций и материального достатка. Поэтому атаманы вступают в союз с правительственной администрацией, оказывая ей содействие в ликвидации самоуправления [Мальцев, 2011, с. 24].

Престиж военно-бюрократических институтов, несмотря на их предпочтительность, в глазах представителей элит и претендентов в элиту имеет свои ограничения. Их привлекательность относительно высока при соблюдении следующих условий: 1) государственные служащие сохраняют приемлемый уровень благосостояния, социального престижа, безопасности после выхода в отставку и помимо службы, но в связи с ней; 2) срок пребывания на престижных позициях относительно непродолжителен, что способствует вертикальной мобильности; 3) относительно высока культурная, социальная, лингвистическая дистанция между государственными служащими и социальным окружением, что препятствует созданию коалиций и союзов; 4) уровень влияния, власти и богатства государственных служащих, прежде всего занимающих престижные и ресурсные позиции, существенно ниже, чем у объектов их лояльности (центрального правительства или местных администраций), что препятствует появлению влиятельных акторов, обладающих значительной автономией и способных бросить вызов местной, а подчас и центральной власти [Филиппов, 2025, с. 19-20].

Далее рассмотрим, каким образом данные факторы оказывали воздействие на уровень лояльности по отношению к государственной власти донских и запорожских казаков, польско-литовских магнатов (относительно низкий уровень лояльности) и сибирской военно-гражданской администрации (относительно высокий уровень лояльности)?

Источники благосостояния. Если доходы государственных служащих состоят из жалования, то они предпочитают продолжительное время оставаться на службе, что существенно замедляет вертикальную социальную мобильность, вызывая фрустрацию у амбициозных и энергичных претендентов, превращая их в противников существующей власти. Обладая средствами насилия и навыками их применения, они могут навязывать государству охранные услуги, организуя нестабильность и вооруженные выступления. Именно так поступали донцы и запорожцы. Доходы донских казаков были трех основных видов: «хождение за зипунами» (грабеж купеческих караванов, набеги на соседние территории, захват и продажа или возвращение за выкуп полона); соляные промыслы и рыболовство; государево жалование. По мере распространения твердой государственной власти на территории, которые являлись целью казацких набегов, жалование становилось едва ли не единственным источником благополучия казаков³. При этом предложение часто превышает спрос: администрация государств региона – России, Османской империи, Крыма, Персии – не нуждалась в таком количестве служилых людей и не была готова их финансировать денежными или натуральными выплатами. Казацкие бунты и восстания выступают формой торга с властью за жалование [Филиппов, 2019, с. 114-115]⁴. Сходная ситуация складывается и в отношениях между запорожцами и Польской короной. Одной из важнейших причин конфликтов между ними была численность реестра – казаков,

³ В 40-е гг. XVII в. в устье Яика возводится крепость Гурьев, запирающая выход казаков на Каспий и Волгу – традиционные объекты походов «за зипунами». На рубеже XVII–XVIII вв. Россия и Османская империя договариваются о взаимном возвращении полона, Азов становится центром обмена, что наносит сильный удар по такому источнику благосостояния казаков, как захват «ясыря» для последующего выкупа или продажи [Сень, 2018, с. 38].

⁴ Василий Ус в 1666 г. с отрядом в 700 казаков отправился с Дона на Москву с предложением принять себя и соратников на государеву службу, для убедительности призывая в свой отряд помещичьих крестьян и нападая на самих помещиков [Лебедев, 1955, с. 40-41].

принимаемых на государственную службу и получающих за это жалование и статус безгербовой шляхты [Бережная, Будницкий и др., 2007, с. 33-63]. Казаки совершают обмен своей лояльности на реестр: по Белоцерковскому договору (1651 г.) между казаками и Речью Посполитой количество реестровых казаков составляло 20000, но правительство Алексея Михайловича в 1654 г. увеличивает реестр до 60000, и запорожские казаки переходят «под руку» русского царя, хотя и на время.

Жалование донских казаков также растет. Размеры ежегодных хлебных поставок на Дон в XVII–XVIII вв. увеличиваются в несколько раз⁵, что не делает казаков более лояльными: жалования «много не бывает», распределение его происходит неравномерно, и это побуждает вновь использовать испытанные способы его «выколачивания» – военные выступления с вовлечением широких масс населения, а также угрозу прямого перехода на сторону противника.

Совершенно иная ситуация сложилась в Сибири. Для сибирских служилых казаков очень скромное, нерегулярное, а то и вовсе не выплачиваемое жалование [Зуев, 2001, с. 85] не было основным и даже существенным источником благополучия. При этом, несмотря на многочисленные жалобы⁶, служилые не просто продолжали нести службу, но давали представителям сибирской администрации немалые взятки, чтобы те позволяли им нести все тяготы государевой службы: в конце XVII в. размер взятки за отправку на сбор ясака (натурального налога, который обязаны были выплачивать аборигены в царскую казну) в Якутске достиг совершенно фантастической суммы – 1200 руб. (годовое жалование казака при этом составляло 5–7 руб.) [Сафронов, 1978, с. 89-90]. Дело в том, что основным источником подчас очень больших доходов сибирских служилых людей в XVII – начале XVIII вв. было не государево жалование, а добыча «мягкой рухляди» (пушнины, прежде всего соболя), а также «моржового зуба» (моржовой кости). При этом данный источник был тесно связан с государственной службой: добывали либо сами казаки во время своих походов за ясаком, либо местное население по принуждению казаков⁷.

Культурная, социальная, лингвистическая дистанция между субъектами лояльности и социальным окружением. Чем больше социальная и культурная дистанция была между представителями элит и социальным окружением, тем выше становилась их лояльность по отношению к государственной власти: отчуждение препятствовало созданию коалиций. Социальное окружение как донских, так и запорожских казаков – крестьянское и городское население – было единоверным казакам, близким в этническом и языковом отношении, а показачивание – принятие в казацкое сообщество крестьян и горожан, распространение на территориях, подвластных казакам, традиций их самоуправления (ликвидация крепостной зависимости, установление власти казачьего круга) – еще больше сокращало социальную и культурную дистанцию. Например, во время восстания Б. Хмельницкого

⁵ Астапенко, М. П. (1992). Жалованье донских казаков. [Электронный ресурс]. *История и культура Ростовской области*. URL: <http://rostov-region.ru/books/item/f00/s00/z00000069/st010.shtml> (дата обращения: 28.11.2025).

⁶ Например, в 1647 г. якутские служилые люди обратились с челобитной к властям по поводу нехватки жалованья, которое совершенно не соответствовало характеру и тяжести службы [Иванов, 1999, с. 121].

⁷ Зуев, А. С. (2002). Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. [Электронный ресурс]. *Сибирская заимка*. URL: <https://zaimka.ru/zuev-aborigines-refs> (дата обращения: 28.11.2025 г.).

на левобережной Украине практически исчезла польская шляхта, огромное количество (до 95 %) крепостных получили свободу и влились в казачество, евреям доступ в Гетманщину был запрещен [Бережная, Будницкий и др., 2007, с. 38-40]. В итоге, относительно однородный состав населения, прежде всего восточной Украины стал социальной основой нелояльности в отношении Короны.

Условий для подобной солидарности не было в Сибири XVII в., поскольку русское крестьянское население было весьма малочисленным, а автохтонное население, подвергавшееся со стороны казаков жестокой эксплуатации, представляло иноверцев, не владевших русским языком. В фольклоре сибирских народов образ казака, совершенно лишенный каких-либо позитивных черт, является воплощением крайней жестокости и коварства [Кузьминых, 1994]. Эта жестокость была вызвана не какими-то особыми садистскими наклонностями первопроходцев, а социальными формами, в которых происходило освоение Сибири. Казаки и промышленники отправлялись в длительные походы небольшими группами. Участники таких отрядов брали, прежде всего, достаточное количество вооружения, боеприпасов и продовольствия для собственного потребления. У них не было возможности взять значительное количество товаров для обмена на пушнину или продовольствие. Суровые природные условия, особенно на севере и северо-востоке Сибири, не позволяли заниматься земледелием, и, таким образом, обеспечить пропитание своими силами они также были не в состоянии. Кроме того, промысловики зачастую не обладали необходимыми охотничьими и рыболовными навыками и снаряжением. Все это обусловило широкое применение насилия и принуждения по отношению к автохтонному населению и [Зуев, 2001, с. 85-90], соответственно, отчуждению между служилым и коренным населением.

Влиятельные акторы и продолжительность пребывания на престижных позициях. Если уровень влияния, власти, богатства отдельных индивидов, в т. ч. занимающих позиции на государственной службе, достигает уровня, сопоставимого или даже превышающего ресурсы местной, а иногда и центральной администраций, то такие индивиды склонны проявлять нелояльность государственной власти. Природные ресурсы Сибири, прежде всего пушнина, мех и кости морского зверя, пользовались спросом на международных рынках (как в Европе, так и в Китае). Именно погоня за соболем была главным мотивом продвижения за Урал и далее – до Тихого океана. Позднее объектом добычи также становится высоко ценимый на рынках Западной Европы «рыбий зуб» (моржовая кость) [История Якутской АССР ..., 1957, с. 38]. Лежбища моржей были обнаружены на побережье Охотского моря в 1641–1642 гг. [Открытия русских землепроходцев ..., 1951, с. 298-299]. Добыча пушнины и моржовой кости должна была приносить огромные прибыли не только казне, но и частным лицам, в т. ч. служилым людям и представителям сибирской администрации. Действительно, в XVII в. сибирские воеводы сколачивали состояния на «окупах» (взятках), участии в торговле пушниной. Например, якутские воеводы М. С. Ладыженский и И. Ф. Голенищев-Кутузов вывозили с собой более 20 тыс. соболей каждый. Эти должностные лица ощущали себя также полновластными хозяевами огромного края. Томский воевода О. И. Щербатов задавал риторический вопрос: «Я де здесь не Москва ли?» [Дмитриев, 2010, с. 45-70]. От них не отставали служилые люди. С. Дежнев в 1656 г. вывез в Якутск столько моржовой кости, что у местных властей не нашлось даже необходимой суммы денег, чтобы рассчитаться с ним, и удачливого казака отправили для

расчета в Москву⁸. При этом сказочно богатые и весьма влиятельные люди, пользующиеся практически неограниченной властью на огромных территориях, гордо заявляющие: «Правда моя в Сибири, что солнце на небесах сияет!», не предпринимали попыток инвестировать свои экономические и властные ресурсы в политико-административное влияние, как это произошло, например, в Польско-Литовском государстве, где разбогатевшие на международной торговле зерном крупнейшие землевладельцы – магнаты – содержали частные армии и обширную клиентулу, состоящую из представителей беднейшей элитной страты Речи Посполитой – безземельной шляхты (чиншевиков), а их власть и влияние превосходили королевские. Почему Сибирь для России не стала, как Украина для Речи Посполитой, с одной стороны, питательной средой для казацкой вольницы, с другой – почвой (в буквальном смысле), на которой выросли независимые могущественные магнаты?

В Сибири превращение воевод, удачливых служилых и промышленников во влиятельных политических субъектов (акторов) не происходит по следующим причинам. Во-первых, высшие должностные лица сибирской администрации – воеводы – занимали свой пост относительно непродолжительное время, как правило, два года (1621–1635 гг.), затем – четыре года⁹. Центральное правительство поддерживало отчуждение между государственными служащими и местным сибирским населением, поощряя подавать жалобы на высших должностных лиц. После возвращения в европейскую Россию практически в отношении каждого из экс-воевод инициировался «сыск» – расследование на предмет коррупции и других злоупотреблений [Еланцева, Шаходанова, 2014]. Таким образом, практически неограниченная власть воевод «в моменте» нивелировалась непродолжительным сроком обладания ею: властители Сибири не успевали обрасти клиентелой и создать устойчивые институты господства, которые могли бы стать основой их независимости от центра. За то, что первый сибирский генерал-губернатор, бывший иркутский воевода М. П. Гагарин, колеса кареты которого «были окованы серебром и копыта лошадей серебряные», замыслил создать в Сибири собственное «королевство» и с этой целью строил оружейные и пороховые заводы и формировал отряды местной милиции, в т. ч. из пленных шведов, был казнен в 1721 г. По мнению историков, такие сведения являются, скорее, легендой, чем действительностью [Водяников, Пузанов, 2023].

Геоэкономическая специфика Сибири – богатство без денег. Еще одно из препятствий для конвертации финансового капитала в социальный и политический связано с местом Сибири в системе международных обменов. Как уже отмечалось, богатства региона (пушнина и моржовая кость) пользовалась высоким спросом в Западной Европе и Китае, доходы от нее составляли около четверти российского бюджета XVII в. [Пузанов, 2018]. Частным лицам – промысловикам, служилым, представителям местной администрации – доставлять добычу на европейские рынки было крайне затруднительно: прямые морские

⁸ Зуев, А. С. (2002). Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. [Электронный ресурс]. *Сибирская заимка*. URL: <https://zaimka.ru/zuev-aborigines-refs> (дата обращения: 28.11.2025 г.).

⁹ Софронов, В. Ю. (2016). Сибирский управленческий аппарат в период воеводского правления. *Сибирская заимка*. [Электронный ресурс]. URL: <https://zaimka.ru/sofronov-voevode/?ysclid=mik4a7ernm267325364> (дата обращения: 27.11.2025).

пути отсутствовали, сухопутные – контролировались государством, но в торговле с Китаем косвенно (через бухарцев) или напрямую – через Нерчинск, Селенгинск, приграничные маньчжурские города, Ургу – они участвовали. При этом торговля с Поднебесной носила меновой характер. Китайское правительство традиционно поощряло ввоз, но не вывоз серебра (основное средство обмена) из страны, к обмену на меха предлагались хлопчатобумажные ткани, шелк, женьшень, предметы роскоши и, конечно, чай, в гораздо меньшей мере – золотые и серебряные слитки [Романова, 2014]. Сложно представить гипотетических сибирских магнатов, содержащих свои частные армии, например, за счет женьшеня. Для этого необходимы либо деньги (собственно, слово «солдат» для обозначения воина-наемника происходит от «сольдо» – наименование разменной монеты, имевшей хождение в государствах Италии), либо земля – именно ее предоставляли на условиях очень льготной аренды магнаты польские своей клиентеле. В той части Сибири, которая в XVII в. входила в состав России, не было значительных площадей земли, по плодородию сравнимых с украинскими черноземами, как и помещичьего землевладения – основы латифундий.

В самой Сибири обменять на деньги ее богатства было просто невозможно. Деньги в своем традиционном виде (монеты и ассигнации) за Уралом оставались дефицитом очень долгое время: в некоторых сибирских регионах брикеты чая с вытесненным на них двуглавым орлом служили средством обмена до начала XX в.

Дефициту и высокой цене денег в Сибири способствовали также отсутствие развитой (а зачастую вообще какой-либо) инфраструктуры, что превращало продолжительные походы в крайне затратные предприятия. Для организации экспедиций «на встречу солнцу» требовались существенные средства, которыми промысловики, как правило, не располагали и брали в долг под высокие проценты у «торговых людей». Именно так снаряжались экспедиции С. Дежнева, В. Атласова, Ф. Попова и др. [Зуев, 2001, с. 85]. Значительная доля добычи шла на погашение кредита.

Нестыжательство – особенность казацкого габитуса. Помимо факторов геоэкономических и инфраструктурных накоплению и, главное, долгосрочному сохранению богатств в диахронии (созданию богатых и влиятельных династий) препятствовали особенности организации служилого социума Сибири, а также специфика габитуса членов этого социума, который в XVII–XVIII вв. сохранял многие особенности вольных казацких сообществ эгалитарного типа. В таких сообществах нашли распространение практики, препятствующие концентрации власти и богатства, в частности, пренебрежительное отношение к имуществу: донские казаки делили добытое поровну, охотно раздавали добычу, хоронили своих товарищей завернутыми в дорогие персидские ковры [Мининков, 1996, с. 110]. Как отмечают многие исследователи, среди сибирских служилых людей в исследуемый период были сильны традиции казачьей вольницы и самоуправления [Александров, Покровский, 1991, с. 75-107; Никитин, 1988, с. 42-48; Акишин, 1996, с. 12]. Добыча в соответствии с нормами общежития вольного казачества должна была поступать в общий «котел» («дуван») и делиться на паи («дуваниться») [Зуев, 2001, с. 98]. Служилые и промышленные люди вели жизнь представителей «праздного класса»: жили за счет труда холопов, не занимаясь никаким трудом или ведением хозяйства, временами отправляясь на войну. Отсутствие хозяйства давало казакам массу свободного времени, которое они проводили в попойках и картежной игре, в результате чего пропивали и проигрывали все имущество [Там же, с. 96].

Заключение. В результате сопоставительного анализа контрастных по уровню лояльности центральной власти случаев – представителей сибирской военно-гражданской администрации, с одной стороны, а также вольных казаков Дона и Запорожья и польско-литовских магнатов, с другой, – была подтверждена общая гипотеза о взаимосвязи уровня лояльности местных элит по отношению к центральной власти и типа сообщества, обеспечивающего их базовые социальные заботы. Кроме того, было исследовано действие универсальных факторов лояльности в конкретно-исторических условиях. В частности, выявлено, что в Сибири в период ее постепенного вхождения в состав России и укрепления государственной власти сложились условия, которые способствовали сохранению относительно высокого уровня лояльности местной военно-гражданской администрации по отношению к центральной власти: наличие источников благосостояния помимо государственного жалования, связанных с государственной службой (добыча пушнины и сбор ясака); относительно высокая социальная, культурная, лингвоэтническая дистанция по отношению к коренному населению; ограниченные возможности продажи накопленных ресурсов (пушнина, кость и шкуры морских животных и др.) на внутреннем и внешних рынках и конвертации полученных средств в политико-административное влияние.

Список литературы / References

Акишин, М. О. (1996). *Полицейское государство и сибирское общество*. Новосибирск: Изд. центр «Автор».

Akishin, M. O. (1996). *Police State and Siberian Society*. Novosibirsk. (In Russ.)

Александров, В. А., Покровский, Н. Н. (1991). *Власть и общество. Сибирь в XVII в.* Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние.

Alexandrov, V. A., Pokrovsky, N. N. (1991). *Power and Society. Siberia in the 17th Century*. Novosibirsk. (In Russ.)

Алмонд, Г. (2014). *Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций*. М.: Мысль.

Almond, G. (2014). *The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Moscow. (In Russ.)

Бережная, Л. А., Будницкий, О. В., Долбилов, М. Д. и др. (2007). *Западные окраины Российской империи*. М.: Новое литературное обозрение.

Berezhnaya, L. A., Budnitsky, O. V., Dolbilov, M. D. et al. (2007). *Western Outskirts of the Russian Empire*. Moscow. (In Russ.)

Водяников, К. А., Пузанов, В. Д. (2023). Первый сибирский губернатор князь М. П. Гагарин в российской историографии. *Власть истории – История власти*. Т. 9. Ч. 8. № 50. С. 123-137.

Vodyannikov, K.A., Puzanov, V.D. (2023). The First Siberian Governor, Prince M. P. Gagarin in Russian Historiography. *The Power of History – The History of Power*. Vol. 9. Pt. 8. No. 50. Pp. 123-137. (In Russ.)

Дмитриев, А. В. (2010). *Сибирь в составе Российского государства (XVII–XVIII вв.)*. Новосибирск: НГУ.

Dmitriev, A. V. (2010). *Siberia as Part of the Russian State (17th–18th centuries)*. Novosibirsk. (In Russ.)

Еланцева, О. П., Шаходанова, О. Ю. (2014). Злоупотребления сибирских воевод на материалах РГАДА. *Теория и практика общественного развития*. № 10. С. 113-115.

Elantseva, O. P., Shakhodanova, O. Yu. (2014). Abuses of Siberian Governors Based on the Materials of the Russian State Archive of Ancient Documents. *Theory and Practice of Social Development*. No. 10. Pp. 113-115. (In Russ.)

Зольникова, Н. Д., Покровский, Н. Н. (2009). Народные движения в Сибири в XVII в. *Историческая энциклопедия Сибири: в 3-х т.* Т. 2. Новосибирск: Изд. дом «Историческое наследие Сибири». С. 428-432.

Zolnikova, N. D., Pokrovsky, N. N. (2009). Popular Movements in Siberia in the 17th Century. In *Historical Encyclopedia of Siberia. In 3 vols.* Vol. 2. Pp. 428-432. Novosibirsk. (In Russ.)

Зуев, А. С. (2001). Конквистадоры империи. *Ab Imperio*. № 4. С. 81-108.

Zuev, A. S. (2001). Conquistadors of the Empire. *Ab Imperio*. No. 4. Pp. 81-108. (In Russ.)

Иванов, В. Н. (1999). *Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства*. Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма РАН.

Ivanov, V. N. (1999). *The Entry of North-East Asia into the Russian State*. Novosibirsk. (In Russ.)

История Якутской АССР: в 3-х т. Т. 2: *Якутия от 1630-х годов до 1917 г.* (Авт. глав: И. С. Гурвич, А. А. Избекова, О. В. Иванова и др.). (1957). М.: Изд-во АН СССР.

History of the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic. In 3 vols. Vol. 2: *Yakutia from the 1630s to 1917.* (Author's chapters: I. S. Gurvich, A. A. Izbekova, O. V. Ivanova et al.). (1957). Moscow. (In Russ.)

Кузьминых, В. И. (1994). Образ русского казака в фольклоре народов Северо-Восточной Сибири. *Урало-Сибирское казачество в панораме веков*. Томск: ТГУ. С. 32-39.

Kuzminykh, V. I. (1994). The Image of the Russian Cossack in the Folklore of the Peoples of North-Eastern Siberia. In *Ural-Siberian Cossacks in the Panorama of Centuries*. Tomsk. Pp. 32-39. (In Russ.)

Куц, О. Ю. (2009). *Донское казачество в период взятия Азова до выступления Разина (1637-1667)*. СПб.: «Дмитрий Буланин».

Kuts, O. Yu. (2009). *Don Cossacks during the Capture of Azov until Razin's Revolt (1637-1667)*. St. Petersburg. (In Russ.)

Лебедев, В. И. (1955). *Крестьянская война под предводительством Степана Разина*. М.: Просвещение.

Lebedev, V. I. (1955). *The Peasant War Led by Stepan Razin*. Moscow. (In Russ.)

Мальцев, Д. (2011). Как готовили «поход на индус». *Родина*. № 7. С. 22-24.

Maltsev, D. (2011). How they Prepared a "Campaign to the Hindu". *Rodina*. No. 7. Pp. 22-24. (In Russ.)

Мининков, Н. А. (1996) *Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.)*. Ростов-на-Дону: Изд. Ростов. ун-та.

Mininkov, N. A. (1996). *Don Cossacks in the Late Middle Ages (before 1671)*. Rostov-on-Don. (In Russ.)

НИКИТИН, Н. И. (1988). *Служилые люди в Западной Сибири XVII в.* Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние.

Nikitin, N. I. (1988). *Service People in Western Siberia in the 17th Century*. Novosibirsk. (In Russ.)

Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии: сборник документов. (1951). Сост. Н. С. Орлова; под ред. А. В. Ефимова. М.: Географгиз.

Orlova, N. S. (comp.), Efimov, A. V. (ed.). (1951). *Discoveries of Russian Explorers and Polar Navigators of the 17th Century in Northeast Asia: A Collection of Documents*. Moscow. (In Russ.)

Пузанов, В. Д. (2018). Доходы русского государства от сибирской пушнины в XVII в. *Вопросы истории*. № 1. С. 70-81.

Puzanov, V. D. (2018). Income of the Russian State from Siberian Furs in the 17th Century. *Voprosy Istorii*. No. 1. Pp. 70-81. (In Russ.)

Розов, Н. С., Филиппов, С. И. (2024). Лояльность местных элит центральной власти: общие закономерности и институциональные контексты. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. № 77. С. 193-203. DOI: 10.17223/1998863X/77/16.

Rozov, N. S., Filippov, S. I. (2023). Loyalty of Elites to the Central Government: General Patterns and Peculiarities of the Institutional Context, *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 77. Pp. 193-203. DOI: 10.17223/1998863X/77/16. (In Russ.)

Романова, Г. Н. (2014). Становление российско-китайских торговых связей (XVII – первая треть XVIII вв.). *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*. № 2 (67). С. 102-112.

Romanova, G. N. (2014). Formation of Russian-Chinese Trade Relations (17th – First Third of the 18th Century). *Customs Policy of Russia in the Far East*. No. 2 (67). Pp. 102-112. (In Russ.)

Сафронов, Ф. Г. (1978). *Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX вв. Управление, служилые люди, крестьяне, городское население*. М.: Наука.

Safronov, F. G. (1978). *Russians in the North-East of Asia in the 17th – Mid-19th Centuries. Administration, Servicemen, Peasants, Urban Population*. Moscow. (In Russ.)

Сень, Д. В. (2018). «Бил челом ахреянскому атаману...»: плен, рабство и выкуп на южном пограничье (конец XVII в. – начало XVIII в.). *Oriental Studies*. № 11 (1). С. 36-46. DOI: 10.22162/2075-7794-2018-35-1-36-46.

Sen, D.V. (2018). “Bowed to the Akhreyan Ataman ...”: Captivity, Slavery, and Ransom on the Southern Borderlands (Late 17th – Early 18th Century). *Oriental Studies*. No. 11 (1). Pp. 36-46. DOI: 10.22162/2075-7794-2018-35-1-36-46. (In Russ.)

Тулчинский, Г. Л. (2018). *Российская политическая культура: особенности и перспективы*. СПб: Алетейя.

Tulchinsky, G. L. (2018). *Russian Political Culture: Features and Prospects*. St. Petersburg. (In Russ.)

Филиппов, С. И. (2019). Бунтарство и лояльность: стратегии взаимодействия иррегулярных войск с государственной властью. *Идеи и идеалы*. Т. 11. № 3. Ч. 2. С. 337-349. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.3.2-337-349.

Filippov, S. I. (2019). Rebellion and Loyalty: Strategies of Interaction between Irregular Troops and State Power. *Ideas and Ideals*. Vol. 11. No. 3. Pt. 2. Pp. 337-349. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.3.2-337-349. (In Russ.)

Филиппов, С. И. (2025). Капитан Копейкин на распутье: условия (не)лояльности элит государственной власти в России. *Дискурс*. Т. 11. № 2. С. 5-20. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-2-5-20.

Filippov, S. I. (2025). Conditions of (Dis)Loyalty of Elites to the State Authorities in Russia. *Discourse*. Vol. 11. No. 2. Pp. 5-20. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-2-5-20. (In Russ.)

Худяков, Ю. С. (2015). Восстание татарских этнических групп в Западной Сибири в конце 1620-х – начале 1630-х гг. *Гуманитарные науки в Сибири*. Т. 22. № 1. С. 48-52.

Khudyakov, Yu. S. (2015). The Uprising of Tatar Ethnic Groups in Western Siberia in the Late 1620s – Early 1630s. *Humanitarian Sciences in Siberia*. Vol. 22. No. 1. Pp. 48-52.

Шунков, В. И. (1946). *Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков*. М.; Л.: Изд-во АН СССР.

Shunkov, V. I. (1946). *Essays on the History of the Colonization of Siberia in the 17th – Early 18th Centuries*. Moscow; Leningrad. (In Russ)

Rosenbaum, W. A. (1975). *Political Culture: Basic Concept in Political Science*. N.Y.: Praeger.

Сведения об авторе / Information about the author

Филиппов Сергей Иванович – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедры романо-германской филологии Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск, Пирогова, 1, e-mail: filippov.nsu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9076-7173>.

Статья поступила в редакцию: 22.11.2025

После доработки: 12.02.2026

Принята к публикации: 06.03.2026

Filippov Sergey – Candidate of Philosophical Sciences, Docent, Head of the Department of Romano-Germanic Philology of the Institute for the Humanities of the Novosibirsk State University, Novosibirsk, Pirogova Str., 1, e-mail: filippov.nsu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9076-7173>.

The paper was submitted: 22.11.2025

Received after reworking: 12.02.2026

Accepted for publication: 06.03.2026